

РОМАН В ПИСЬМАХ

НИКА СВЕТЛОВА

Ника Светлова

Роман в письмах

<https://litres.ru/74250192>

SelfPub; 2026

Аннотация

Она умирала в блокадном Ленинграде и писала ему до последнего дня. Он получил её последнее письмо, когда было уже слишком поздно. Его ответ так и не ушёл. Через восемьдесят лет эти письма нашли двое, которым суждено дописать их историю. Потому что настоящая магия не в марках. Она в том, что кто-то всегда ждёт голоса в темноте

Содержание

Глава 1. Вера	4
Глава 2. Алексей	7
Глава 3. Первое касание	9
Глава 4. Алексей получает ответ	11
Конец ознакомительного фрагмента.	12

Ника Светлова

Роман в письмах

Глава 1. Вера

Она написала письмо в тот вечер, когда съела последний кусок хлеба.

Не то чтобы хлеба не осталось совсем, оставалась ещё восьмушка, завёрнутая в газету и спрятанная под подушкой. Но Вера знала, что завтра будет хуже, чем сегодня, а послезавтра ещё хуже. Эту арифметику голода она научилась решать в уме без ошибок.

В комнате было темно. Светомаскировка, затемнение, керосинка не горит, керосин кончился ещё в октябре. Только луна, равнодушная и ледяная, заглядывала в окно сквозь перекрестье бумажных полос на стекле. Вера сидела у стола, закутанная во всё, что было: пальто, платок, шерстяные носки поверх шерстяных носков. Пальцы не гнулись. Она дышала на них, прежде чем взять ручку. От дыхания пальцы не согревались, но хотя бы напоминали, что она ещё жива.

Письмо мужу.

Она знала, что он мёртв. Нет, похоронку не получала, но за четыре месяца научилась отличать надежду от самообмана. Ольга из соседней комнаты получила похоронку вчера...

выла так, что стёкла дрожали. Потом замолчала. Потом её увезли уже мёртвую, от разрыва сердца. Вера смотрела, как санитары выносят её на простыне, и поняла, Саша не вернётся. И всё же она писала ему. Не в окопы, не в медсанбат, не на тот берег Невы, куда-то дальше. Туда, где он сейчас.

«Саша, сегодня я закончила переписывать Гумилёва. Помнишь, ты смеялся надо мной и говорил: Зачем переписывать то, что уже напечатано?", а я не могла объяснить. А вот сейчас могу. Когда ведёшь пером по бумаге, слова становятся твоими. Входят через пальцы. Я сижу в зале редкой книги, чернила замерзают, приходится добавлять водку. Помнишь, ну ту, что ты берёг. Не сердись.

На улицах тихо. Так тихо, что слышно, как падает снег. Никогда не думала, что тишина может быть страшнее бомбёжки. При бомбёжке хотя бы знаешь, что жив. А сейчас просто плывёшь, как в тумане. Маяка бы, Саша. Хоть какого-нибудь маяка».

Слово «маяк» она подчеркнула дважды.

Потом открыла альбом с марками. Сашин альбом. Она нашла его в ящике стола две недели назад и не прикасалась, боялась, что от марок пахнет им. Так и оказалось. Табак, одеколон «Шипр», что-то ещё, бесповоротно живое.

Две марки лежали отдельно, на последней странице. Вера не разбиралась в филателии, но эти были явно несерийные, слишком тонкая работа. На одной красовался маяк на скалистом берегу: высокая каменная башня, волны бьются о

камни, а в небе луч света. Даже в лунном сумраке она видела каждую деталь. На второй была раскрытая книга, со страниц которой будто поднимался свет.

Она взяла марку с маяком. Повертела в пальцах. Зачем-то понюхала, пахло бумагой и клеем. Старая, довоенная, с едва заметной желтизной по краям. Наклеила на конверт.

Адрес писать не стала. Какой адрес у мертвеца?

Вложила письмо. Запечатала. Поднесла к губам и на секунду ей показалось, что конверт тёплый. Но это, конечно, только показалось. Вера сунула конверт в томик Блока и забыла о нём на неделю.

Глава 2. Алексей

Ночное море пахнет железом.

Алексей Снегирёв стоял на палубе, опершись о поручни, и смотрел, как вода расступается под форштевнем. «Смелый» шёл малым ходом из Находки во Владивосток. Груз — ящики с консервами, медикаменты, перевязочные пакеты. Война была где-то далеко, на западе, но Алексей чувствовал её каждый раз, когда подписывал накладную. Всё шло туда. Всё уходило в ту чёрную прорву, из которой не возвращалось ничего, кроме сводок Информбюро.

Он написал пятый рапорт о переводе на действующий флот. Четыре предыдущих отклонили. Объясняли это тем, что кадровый голод, тыл тоже фронт, победа куётся не только на передовой, а он — незаменимый специалист. Но Алексей знал, дело не в этом. Кто-то наверху решил, что он нужнее здесь, и от этого было тошно.

В судовой журнал писать не хотелось. В личный дневник тем более. Он вообще не любил писать, но что-то скребло внутри, не давало спать, требовало выхода. И он вдруг вспомнил про конверт.

Тот самый, найденный сегодня в сундуке. Старый, с маркой, на которой изображена книга. Алексей сунул его в карман машинально, как подбирают на берегу обкатанный мо-

рем камень, вроде бы не нужен, а выбросить жалко.

Он вернулся в каюту. Сел за стол. Достал из навигационного блокнота чистый лист, взял карандаш.

«Я не знаю кто ты. И есть ли ты вообще. Но что-то мне говорит, что есть. И тебе плохо. Я не умею писать красиво, как пишут в книжках. Я всю жизнь пишу только судовые журналы. Вот сегодня записал: Ветер норд-ост, волнение три балла, прошли траверз мыса Поворотный". Но сейчас мне хочется написать тебе.

Я стою на палубе. Вокруг чёрная вода и звёзды. Звёзд столько, что кажется небо треснуло и сквозь трещины сочится свет. Не знаю, видишь ли ты звёзды. Говорят, у вас там бомбят. Говорят, у вас там ад. Прости, я не знаю, кто ты, где ты. Но если ты есть — держись».

Он сложил лист. Сунул в конверт. Марка с книгой уже была на нём.

Утром он собирался выбросить конверт. Ночная блажь, с кем не бывает. Но конверт из кармана исчез. Алексей решил, что выронил его на палубе, и впервые за долгое время выругался не от злости, а от странной, саднящей потери.

Глава 3. Первое касание

Вера открыла томик Блока.

Это случилось утром, когда рассвет был не светлее сумерек, просто серое небо становилось чуть менее серым. Она сидела в библиотеке, кутаясь в пальто, и собиралась продолжить переписывать Гумилёва. Раскрыла книгу и замерла.

Внутри лежало письмо. Другое. Не её.

Мужская рука. Твёрдая, почти печатная, но с резкими наклонами вправо. В голове возникла мысль: «Так пишут люди, которые привыкли держать штурвал, а не перо». Буквы стояли неровно, будто писали на ходу, на волне, на ветру.

«Я не знаю, кто ты...»

Вера читала и не дышала. Слова пахли морем. Она не знала, как это возможно: «Бумага не пахнет морем, бумага пахнет бумагой», — говорила она сама с собой, но от письма шёл запах соли, йода, холодного ветра. И ещё табака. Крепкого, чёрного, флотского. Она потом поймёт, что конверты переносили не только слова, но и эхо вещей — запахи, настроения, тени эмоций. Не сами вещи, но их отпечатки, как свет далёкой звезды, который всё ещё летит к нам, даже когда звезда погасла. «Этого просто не может быть», — но сейчас всё казалось предательски настоящим.

Она дочитала. Перечитала. Отложила письмо и долго

смотрела в стену.

Что это? Розыгрыш? Чудо? Она не верила в чудеса. В блокаде Ленинграде чудес не бывает, здесь работает только арифметика: сто двадцать пять граммов хлеба в день, минус двадцать в аудитории, плюс один умерший знакомый в неделю. Но письмо лежало перед ней. Мужское, живое, невозможное.

Она написала ответ в тот же день.

«Я не знаю, как это работает. Я не знаю, кто вы. Но ваше письмо пришло. Оно пахнет морем. У нас нет моря. У нас есть замёрзшая Нева и канонада по ночам. Расскажите мне про море. Пожалуйста».

Наклеила марку с маяком. Вложила в конверт.

Через мгновение конверт опустел. Впервые за долгие месяцы Вера почувствовала нечто похожее на голод, но не тот, что грыз изнутри, а иной. Голод по словам. По чужому голосу. По жизни за пределами её умирающего мира.

Глава 4. Алексей получает ответ

Он обнаружил письмо утром. Карман шинели оттягивал конверт, которого вчера там не было. Алексей достал его, повертел. Почерк женский, тонкий, с наклоном влево. Буквы дрожат. Он поймал себя на мысли: «То ли от холода, то ли от слабости».

Прочитал. Вышел на палубу. Закурил.

Море, небо, даже чайки всё было одного и того же серого цвета, будто кто-то вытравил остальные краски. Алексей смотрел на воду и думал. Он не верил в мистику, в спиритизм, в переселение душ. Он верил в дизельные двигатели, навигационные приборы и прогноз погоды. Но письмо было реальным. Он держал его в руках. И оно пахло... нет, не духами. Оно пахло старой бумагой, клеем, морозом. И ещё чуть-чуть хлебом. Вернее, его отсутствием.

Что-то сжалось у него внутри. Он вернулся в каюту и сел писать ответ.

Так началась их переписка.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.